

Л. А. Скубачевская

Жанровое своеобразие газетных очерков А. И. Куприна 1890-х годов

А. И. Куприн попал в Украину в 1890 г. двадцатилетним подпоручиком. Прослужив четыре года в 46-м пехотном Днепровском полку, который был расквартирован в Прокураве и близлежащих местечках Гусятин и Волочиск, в 1894 г. он вышел в отставку, поселился в Киеве и начал постоянно сотрудничать в газетах – сначала только киевских («Жизнь и искусство», «Киевлянин», «Киевское слово»), а затем и житомирских («Волынь»), одесских («Одесские новости») и др. Куприну пришлось заниматься различными видами газетной работы – он печатал фельетоны, репортерские заметки, судебную хронику, статьи по вопросам внутренней и международной жизни, театральные рецензии, литературно-критические статьи, путевые корреспонденции. В поисках заработка и потому, что хотел «видеть все, знать все, уметь все и писать обо всем» [6:339], Куприн ездил по Донбассу, Волыни, Полесью, был в Житомире, Одессе, Каменец-Подольске, Екатеринославе и в других городах, сменив множество занятий. В эти годы он – репортер, управляющий при постройке дома, актер «на выходах» в Сумском театре, заведующий учетом кузницы и столярной мастерской при

сталелитейном и рельсопрокатном заводах в Волинцеве, грузчик арбузов в Одесском порту, рабочий артели по переноске мебели, управляет имением в Ровенском уезде Волынской губернии.

Отмечая, что «Куприн пришел в большую литературу непосредственно с «газетной полосы» [8:11], ученые согласны в том, что профессия журналиста благотворно сказалась на художественном творчестве писателя, так как явилась для него хорошей школой, обогатившей ценным опытом и навыками, знанием различных сторон действительности и знанием людей (Ф. И. Кулешов, А. А. Волков, Е. А. Дьякова и др.). Сотрудничество в ряде газет в качестве хроникера, фельетониста и очеркиста, по мнению этих литературоведов, способствовало «накоплению оригинального материала для творчества и преодоления «литературщины», отчетливо ощущаемой в его первых рассказах [1:150]. Исследователи отмечают, что «искусственность стиля и литературная безвкусица замечаются лишь в тех произведениях молодого Куприна, в которых он описывал то, чего сам не пережил и не видел, что находилось за пределами его жизненного опыта. В тех же рассказах,

а особенно очерках, где Куприн рисует то, что хорошо знает, ничего подобного нет» [5:7].

В связи с журналистской деятельностью Куприн много писал в жанре очерка, в котором достиг высокого мастерства. В этих очерках отражались жизненные впечатления писателя. Например, в очерке «Юзовский завод» («Киевлянин» 1896. – 30 мая) отражены впечатления от Рельсопрокатного завода в селе Дружковке, Екатеринославской губернии, где Куприн проработал несколько месяцев заведующим учетом кузницы и столярной мастерской. На первый взгляд, «Юзовский завод» – публицистический очерк на социальную тему, представляющий картину жизни завода-гиганта с огромным количеством рабочих, оснащенный техникой. С документальной точностью сообщается история создания завода, его площадь, оборот, какая продукция производится и куда она поставляется, количество рабочих, их жалование (с точностью до копеек), виды работ. Внимание писателя сконцентрировано на техническом устройстве завода, его машинах, механизмах. Со знанием дела, подробно и профессионально Куприн описывает работу доменных печей, процесс выпуска чугуна, технологию изготовления стали, бессемеровские конверторы, литейную мастерскую, паровой кран, пудлинговую печь, паровой молот, шахту, ламповое отделение, подземную конюшню и т. д.

Произведение обладает такими характерными для очерка чертами, как большая развитость описательного изображения, отсутствие единого и быстроразвивающегося конфликта и сюжета с его традиционными составляющими и приемами фабульного повествования. Велика «просветительская» функция произведения. Кроме описания завода, который является главным объектом наблюдения, в очерке содержатся сведения о Екатерининской железной дороге, а также о таких деталях, как местные экипажи-«кукушки» [7:7].

Однако в этом, на первый взгляд, реалистическом очерке, натуралистичные описания чередуются с мистическими картинами. Рассказчик не ограничивается описанием специальных технических особенностей устройства механизмов. Так, о работе подъемных вагонов он сначала сообщает: «Почти каждую минуту снизу подымался вагон, нагруженный двумя тележками угля. Верхние рабочие тотчас же ставили эти тележки на рельсы, сцепляли их по четыре зараз и припрягали к ним лошадь, которая тащила их крупной рысью. Вагоны подымались совсем мокрыми, и с це-

пей, соединявших их с канатом, капала вода. Показываясь на поверхность, вагоны механически приподнимали барьер, окружавший отверстие ствола, а опускаясь, также механические его захлопывали» [7:20], а затем еще замечает: «Это было странное зрелище. Узкая клетка, несущаяся не то вверх, не то вниз... девять человек, прижавшиеся в мраке друг к другу... красноватый свет лампочек, блиставший на мокрых черных стенках вагона... общее молчание... глухой шум скользящего каната...» [7:21].

Зная досконально о работе завода, рассказчик все же изумляется фантастичностью увиденного [7:9]: «Казалось, гигантский апокалипсический зверь ворчит там в ночном мраке, потрясая стальными членами и тяжело дыша огнем» [7:10]. Рассказчик видит этого зверя так же явно, как и завод: «машина, приготавливающая гайки, – нечто вроде двух громадных, железных, регулярно чавкающих челюстей. Рабочие, накалив в горне длинную стальную палку, суют ее в эту раскрытую пасть. И чудовище, методично откусывая куски красного мягкого металла, тотчас же выплевывает их в виде готовых гаек» [7:18], «На кровавом фоне зарева стройно и четко рисовались темные верхушки высоких труб, между тем как нижние их части расплывались в сером тумане, подымавшемся от земли. Разверстые пасти этих великанов безостановочно изрыгали густые клубы дыма, которые смешивались в одну общую, сплошную, хаотическую, медленно ползущую на восток тучу» [7:9–10], «Огни коксовых печей тянулись длинными правильными рядами; иногда один из них вдруг вспыхивал и разгорался, точно огромный красный глаз» [7:10], «и я и Б. совершенно ошалели от этого адского грохота, невыносимого угара и непрерывного судорожного движения» [7:17].

В повести «Молох» («Русское богатство», 1896, № 12), в V главу которой вошло описание заводского пейзажа из очерка «Юзовский завод», подобное чудовище становится причиной гибели героя. Долгое время образ Молоха истолковывался критикой как воплощение социального зла, как нелепый и жестокий механизм общественного устройства. Сегодня Е. А. Дьякова прочитывает это произведение по-новому: «В описании Молохова капища – сталелитейного завода – несомненно техническая точность деталей, компетентность автора <...> «Молох» Куприна – не только социальное, но и онтологическое зло: «промышленная цивилизация», уродующая лицо земли, обезличивающая и обесценива-

ющая человека, вызывает у автора почти мистический ужас, образ сталелитейного завода приобретает смысл почти апокалиптический. В самом описании завода с «разверстыми пастьями» труб, изрыгающими дым, «огромным красным глазом» плавильной печи, «несмолкаемым лязгом и грохотом железа» – сквозит образ Дракона» [3:592].

Очерк «На глухарей» («Киевлянин 1899. – 5; 7 августа) посвящен другой теме, но демонстрирует те же свойства прозы Куприна. В очерке воспроизведен эпизод из жизни писателя в Полесье в 1897–1898 гг. Автор компетентно рассказывает о правилах и особенностях охоты на глухарей. Указывается время и место событий; описано, как устроена «угольница», одежда охотников и приготовления [7:405].

Отзываясь на этот очерк, критики похвалили «яркую, сочно написанную картину природы» и «детальную конкретность и непосредственность в передаче чувств охотника и подслушанных им “тайн леса”» [4: 73]. Действительно, место и обстоятельства охоты – ночь, снег, болото, ямы, туман, ветки, вода, глухари описаны исчерпывающе точно, реалистично, даже натуралистично. Приведены физиологические объяснения необычного звука, издаваемого глухарями: «Глухарь – единственная птица, у которой нет языка, но зато огромная полость его рта представляет собою прекраснейший резонатор. Начиная песню, он ударяет верхнюю часть клюва о нижнюю <...> В диком любовном экстазе он трет одной челюстью о другую, ожесточенно скрежещет ими и забывает в эти мгновения об опасности» [7:412]. Но об этом же звуке в итоге сказано: «Никогда в жизни <...> не слышал я ничего более странного, загадочного и волнующего, чем эти металлические звуки. В них чувствуется что-то допотопное, что-то принадлежащее давно исчезнувшим формациям, когда птицы и звери чудовищного вида перекликались страшными голосами в таинственных первобытных лесах...» [7:413].

Не менее конкретно описан путь охотников: «Мы идем без дороги, напрямиком. Ноги по колено без всякого усилия входят в жидкий, как кашица, зернистый, холодный снег, под которым при каждом шаге громко хлопает вода. То мы идем по сплошной грязи, с трудом вытаскивая из нее ноги, иногда шагаем по мшистым кочкам, подающимся мягко и упруго вниз, когда на них ступаешь» [7:408]. Но и оно заканчивается выводом, выходящим за рамки очерка: «наше шествие представляет-

ся мне чем-то нелепым, тяжелым и фантастическим, как кошмар» [7:408].

Можно привести и другие примеры того, как после натуралистического описания явления, в очерке Куприна появляется неопределенное «что-то». Возникает впечатление, что если рассмотреть предмет или явление до самого конца, увидеть и назвать все точно и достоверно, то за этим откроется еще *Нечто* или *Некто*. Именно таким образом смотрит на мир герой-рассказчик.

В очерке действуют два персонажа: рассказчик и его провожатый Трофим Щербатый. Оба они имели прототипов – это сам Куприн и его знакомый лесник. Хотя сюжет очерка связан с перипетиями их охоты, образы людей играют здесь весьма своеобразные роли. Образ Трофима воспроизведен как органическая часть окружающей действительности (как ночь, вода, глухари и т. п.), а рассказчика – как воспринимающее сознание. Рассказчик воссоздает все, что он видит, слышит, чувствует и что ему чудится на охоте. Ему принадлежит и мистическая мысль: «Но на небе нет ни одной звезды, и у меня вдруг мелькает мистическая, тревожная мысль: неужели все живущее осуждено погрузиться после смерти в такой же непобедимый, вечный, ужасный мрак?» [7:408]). Ему чудится в окружающем таинственное, гневное, глубокое и темное, чудовищное; он же видит и неопределенное что-то.

Благодаря художественному воссозданию субъективного восприятия рассказчика в произведении очерковые способы воссоздания мира постепенно вытесняются лирическими, а сам рассказчик, по сути, превращается в лирического героя. Повторяющиеся и углубляющиеся за счет усложнения структуры ассоциативного ряда мотивы темноты, тишины, неизвестности, тайны, страха образуют подтекст, новеллистически-неожиданный для очерка. Благодаря этому подтексту из реалистической картины охоты рождается представление о фантастичности мира.

И. О. Денисюк в монографии «Розвиток української малої прози XIX – початку XX століть», говорит, что в литературе рубежа веков происходил «інтенсивний «натиск» поезії на прозу, посилення лірико-філософського елементу на епічні форми» [2:190]. В результате этого процесса в украинской литературе распространились такие жанры, как этюд, эскиз, образок, акварель, рисунок и др. В русской литературе эти жанровые разновидности малой прозы не получили такого широкого распространения. Но все-таки

как элемент более сложной жанровой структуры они присутствовали в произведениях русской литературы этого периода, причем даже в произведениях публицистического характера. Так, в очерках Куприна можно обнаружить черты таких жанровых форм, как этюд и акварель. Его описания самых различных объектов очень точны и экспрессивны. Куприну удастся достигнуть тончайшего синтеза поэзии и прозы в своих произведениях, что характерно для лирической миниатюры рубежа XIX–XX веков, одной из отличительных особенностей которой как жанра является синкретичность.

Таким образом, анализ показал, что благодаря точным наблюдениям и описаниям событий, явлений, людей, основывавшихся не на теоретических умозаключениях, а на чувственном опыте как основном источнике познания, – в очерках Куприна возникает по-

дтекст, неожиданный для публицистического произведения. Е. Колтоновская писала: «Внешней остроте восприятия у Куприна соответствует его внутренняя полнота и углубленность. Оно как бы выходит за пределы обычных «пяти чувств». Каким-то особым чутьем, подсознательным разумом он улавливает внутреннюю сущность вещей, связь причин и следствий, первооснову жизни» [4:17]. Эта особенность творчества Куприна, проявившаяся уже в ранних произведениях, возможно, сформированная благодаря его журналистской деятельности, характерна для его лучших произведений зрелого периода: «Замечательное знание мелочей российского быта, тонкостей профессий, образа жизни, диалектов и жаргонов, цветов, звуков, запахов, присущее Куприну, составило одну из сильнейших черт его прозы 1900–1910-х годов» [3:590–591].

Литература

1. Волков А. А. А. И. Куприн на Украине // Советская Украина. – 1960. – № 9. – С. 149–163.
2. Денисюк І. О. Розвиток малої прози XIX – початку XX століть. – К., 1981.
3. Дьякова Е. А. Александр Куприн // Русская литература рубежа веков (1890–1920-е годы): В 2-х т. – М., 2000. – Т. 1. – С. 584–619.
4. Колтоновская Е. Поэт жизни (К двадцатипятилетию литературной деятельности А. И. Куприна) // Вестник Европы. –

1915. – № 1. – С. 70–80.
5. Кулешов Ф. И. Александр Иванович Куприн // Куприн А. И. Собрание сочинений: В 9-ти томах. – М., 1970. – Т. 1. – С. 5–38.
6. Куприн А. И. О литературе. – Минск, 1969.
7. Куприн А. И. Собрание сочинений: В 9-ти томах. – М., 1971. – Т. 2. – 512 с.
8. Чупринин С. И. Перечитывая Куприна // Куприн А. И. Собрание сочинений: В 6-ти т. – М., 1991. – Т. 1. – С. 5–24.

АНОТАЦІЯ

У статті досліджується специфіка жанрової природи нарисів О. І. Купріна «Юзовский завод» та «На глухарей», що були опубліковані у 1890-х роках в газеті «Киевлянин».

SUMMARY

The features of genre character of sketches “Uzovsky works” and “For Wood-grouse by A.I. Kuprin were published in 1890ths in newspaper “Kievlianin” are investigated in the article.